

Список использованных источников

1. Скиба, Т. Ю. Теоретико-методологические основы механизмов государственного управления / Т. Ю. Скиба // ISSN 2308-8079. Studia Humanitatis. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: www.st-hum.ru. – Дата доступа: 02.02.2016.
2. О развитии гуманитарных наук и повышении их роли в государственном строительстве: материалы совещания в НАН Беларуси с ведущими учеными и преподавателями-обществоведами республики, Минск, 20 ноября 1998 г. / Администрация Президента Респ. Беларусь, Гл. упр. обществ.-полит. информ. – Минск, 1999. – 173 с.
3. Фроянов, И. Я. Погружение в бездну / И. Я. Фроянов. – М.: ЭКСМО, 2002. – 608 с.
4. Ручкин, Б. А. Непознанное наследие комсомола (к 90-летию создания ВЛКСМ) / Б. А. Ручкин, М. М. Мухамеджанов // Знание. Понимание. Умение». – 2008. – № 3. – С. 104–115.
5. Данилов, А. Н. Молодежь кризисных лет: иллюзии и новые надежды / А. Н. Данилов. – Минск: Харвест, 1999. – 320 с.
6. О республиканских и местных собраниях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2000 г. № 411-3: с изм. и доп. от 4 ноября 2013 г. № 270-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2014.
7. Лукашенко, А. Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию / А. Г. Лукашенко // О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов, Минск, 27–28 марта 2003 г. / Администрация Президента Респ. Беларусь; редкол.: О. В. Пролесковский. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 192 с.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

М. А. Ермолицкий, С. В. Решетников, Г. М. Бровка
Белорусский национальный технический университет, Минск

M. Ermolitsky, S. Reshetnikov, G. Brovka
Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 32.001:001

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В КОНЦЕПЦИИ НИКЛАСА ЛУМАНА И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ

POLITICAL SYSTEM IN THE CONCEPT OF NIKLAS LUHMANN AND CONTENT MEASUREMENT IN POLICY

*В разрабатываемой в статье с позиций системного анализа концепции политики «3D*3» важное значение имеет третье измерение политики, которое мы связываем с анализом политической системы Никласа Лумана. Отмечается, что «policy analyse» или «Politikfeldanalyse» стал фундаментальной составной частью науки о политике, само понятие методологии расширилось от ее прежнего оперирования терминами теории и метода до новой триады понятий: «аналитическая рамка», «теория», «модель». В границах «аналитической рамки» для изучения реальной или содержательной политики создано множество теорий. Авторы приходят к выводу, что «3D*3»-концепт политики способен побуждать и стимулировать политико-научные исследования с целью роста их эффективности и общественной полезности.*

*Ключевые слова: политика; аналитическая рамка; «3D*3»-концепт; политическая система; policy analyse.*

*In developed in article from positions of the system analysis of the concept of a policy «3D*3» the great value has the third measurement of a policy which we connect with the analysis of political system Niklasa Lumana. The article notes that the «policy analysis» or «Politikfeldanalyse» has become a fundamental component of the science of politics, and its contribution to any science – to its methodology is evidence of this. This concrete contribution to the methodology consists of an «analytical framework», «theory», and «model». Within the framework of the «analytical framework», many theories have been created to study real or substantive policies. The authors come to the conclusion that the “3D*3” concept of politics is capable of irrigating and stimulating political and scientific research in order to increase their effectiveness and social usefulness.*

*Keywords: polity; policy; politics; analytical framework; “3D*3” concept; political system; policy analysis.*

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В контексте разрабатываемой нами с позиций системного и комплексного анализа концепции политики «3D*3», представляющей собой систему из трех аспектов по три элемента (три понятия политики: polity, policy, politics – «политологический треугольник»; три парадигмы политической теории; три элемента политической системы), важное значение имеет третье измерение политики, которое мы связываем с анализом политической системы Никласа Лумана.

Н. Луман – социолог, но в его универсальной социологической теории, «супер-теории», находится место 11 функциональным системам общества, в том числе и политике, которой он посвятил около 70 специальных работ. Венцом этого внимания стала его посмертная работа «Политика общества» [1].

Одной из многих теоретических новаций Н. Лумана стало его учение о двух круговоротах трех основных элементов политической системы. Последнее обстоятельство – наличие трех основных элементов политической системы – как раз и позволяет нам еще раз оперировать в категории триады,

в данном случае как третье измерение из «3D*3»-концепта политики. В качестве этих трех основных элементов политической системы Н. Луман выделяет политику, управление и публику [2, с. 65]. Эта отнюдь не рафинированная и даже несколько простецкая характеристика элементов, тем не менее, позволяет как никакая другая дать точную характеристику их связи и взаимодействия между собой. Указанная взаимосвязь носит циркулярный характер, или характер «круговорота», что никого не должно удивить, но что, тем не менее, вызвало шок [3, с. 14; 4, с. 272], когда Н. Луман выделил эти два «круговорота в политической системе». Первый – «официальный круговорот», закрепленный в конституциях и в теориях демократии XIX–XX вв. Суть его состоит в том, что публика (как инвариант народа) выбирает политическое руководство, которое назначает управление как исполнительную власть, которая и призвана реализовать суверенную волю народа.

А где же «шок», в который были ввергнуты теоретическая мысль и практика 70–80-х гг., когда Н. Луман обнародовал свои исследования? Он состоял во введении второго этапа циркуляции, названного им как «контркруговорот», который реализуется реально, и из-за чего положения конституции фактически выглядят как «фикции». Это значит, что хотя формально народ избирает политическое руководство, именно оно, называемое Н. Луманом «политики», задает повестку и темы политической жизни для «публики». В свою очередь для «политиков» эти повестки и темы поставляет «управление», всегда располагающее двумя преимуществами: информационным и профессиональным. Ну а «публике» (народу) приходится сплошь и рядом идти на поклон к властям и сильно от нее зависеть. Именно это открытие и вызвало шок, а также загадку, а не имеем ли мы дело с произволом, случаем, а то и просто «заговором» или «преступлением».

А между тем решение загадки двух круговоротов сильно упростится, если мы примем во внимание наличие упомянутой выше троицы – трех политических теорий. Если мы их детализируем, то обнаружим два зашифрованных в понятии «двух круговоротов» подхода: нормативный и эмпирический. Первый ставит акцент на то, как должно быть, второй – как есть. Если не замечать этого обстоятельства, то возникает тенденция противопоставлять их и даже дискриминировать в зависимости от «прописки» в той или иной из теорий «триаса». Когда это обостряется, то возникает та самая религиозная война, о которой мы писали выше. И тогда нормативный подход, венцом которого является «указание к действию», эмпириками шельмуется как спекулятивный, не научный и т. д., а эмпирический подход трактуется нормативистами как «идиосинкразия» (чувствительность), «ползучий эмпиризм» и т. д. Преодолеть подобные предрассудки, на наш взгляд, и поможет наш «3D*3»-концепт политики.

Но встает вопрос и о синтезе указанных «3D*3»-измерений политики. Возможен ли он? А если да, то насколько целесообразен? Для ответа на этот

вопрос обратимся к новому (для американской науки о политике), новейшему (для европейской науки о политике) и практически неосвоенному (в русскоязычной науке о политике) направлению. Этот подход имеет ряд названий, которые можно применять как синонимы: о них сейчас и пойдет речь.

Утверждение, что политический анализ не освоен в русскоязычной литературе, может вызвать резкое возражение. Для этого достаточно назвать увидевшие свет монографии А. Н. Дегтярева [5], К. В. Симонова [6], С. Г. Туронка [7], А. В. Ахременко [8], Е. Н. Дмитриева [9], О. В. Попова [10], Н. А. Антонович [11] и др. и научные статьи Е. М. Ильиной [12–13]. На деле никакого противоречия нет. Разумеется, эти работы внесли определенный вклад в решение проблемы освоения научного тезауруса западной политической мысли. Однако с методологической точки зрения их подходы к политологическому анализу характеризуются способом, который был задан Д. Истоном, пионером политического анализа, и который был им назван как политический анализ [14]. Суть подхода Д. Истона состоит в том, что он взял традиционную проблематику политической мысли и переложил ее на язык кибернетики того времени, т. е. «кибернетики первого порядка», выделив три элемента: «требования и поддержка», «черный ящик» и «решение и исполнение». Этим политическая мысль была, говоря языком радиотехники, «свернута», а затем при ее расшифровке снова «разворачивалась» в те же традиционные идеи, только с новой терминологией. Таким образом, в этой традиции Д. Истона предметная сфера политического анализа фактически совпадает с предметной сферой науки о политике. В результате игнорируется предметная специфика политического анализа в узком или в собственном смысле слова, связанного именно с одним из трех измерений политики – почти исключительно содержательным измерением – и, что еще более важно, одним из трех направлений политической теории – почти исключительно эмпирико-аналитическим направлением. В результате понятие «политический анализ» приобретает неоправданно широкий характер, становясь синонимом политики в русскоязычной редакции этого слова, но, с другой стороны, парадоксальным образом игнорирует институциональное и нормативное процессуальное измерение. Фактически не учитывается синонимический ряд понятия «политический анализ»: *policy analyse*, *policy study*, *policy approach*, *public policy* – на английском языке, *Policy Forschung*, *Policy Wissenschaft* – как смеси английского и немецкого и *Politikfeldanalyse* – как исконно немецкого слова, которому в русском языке, на наш взгляд, больше всего соответствует понятие «анализ полей политики».

Хорошо известно время, место и авторство рождения этого направления науки о политике. Это 1951 год, когда Г. Лассуэл издал свою работу «Стратегическая ориентация политической науки» [15]. Книга имела огромный резонанс. В Соединенных Штатах стало стремительно развиваться это

направление науки, что сопровождалось ростом сторонников, репутацией и финансированием. Только 20 лет спустя данное направление было заимствовано германской политологической литературой. Эта разновидность трансфера знания из одной страны в другую, из одной национальной науки в другую, что еще раз подчеркивает интернациональный характер науки. Трансфер оказался чрезвычайно плодотворным. Немецкая наука освоила это рожденное в Америке направление до такой степени, что даже в значительной степени «онемечило» американскую терминологию. Речь идет о создании на немецком языке двух важных категорий: Policy Forschung и Policy Wissenschaft.

Этого, к сожалению, не произошло в русскоязычной науке. Более того, гипертрофированное значение в ней получил термин «публичная политика», т. е. калька (дословный перевод) с английского «public policy». Более того, как отмечает А. Ю. Сунгуров [16, с. 9], термин «публичная политика» «очень не просто входил в поле российской политической науки», его первый перевод на русский язык Е. Б. Шестопал определялся как «социальная политика» [16, с. 9]. Впоследствии определение термина «публичная политика» приближалось к американскому значению, но в русском языке, в отличие от английского, его вряд ли можно считать перспективным. Это связано с тем, что прилагательное «публичный» в русском языке имеет отрицательную коннотацию в связи с выражением «публичный дом», которое вошло в русский язык очень широко и не уходит после знаменитого романа А. Куприна «Яма». Поэтому в России весьма двусмысленно звучат такие выражения, как «публичная персона», «публичные политики», «публичное телевидение» и т. д. В качестве положительного момента следует отметить, что освоение policy-направления в русскоязычной науке продолжается.

Как пример, помимо указанных монографий, также можно назвать спецкурс И. В. Ермолина, в котором используется богатый арсенал policy-направлений [17]. Среди них: подход «воронки причинности» (пер. с англ. The Funnel of Causality), «теория сетей» (Network Theory Analysis), подход «институционально-рационального выбора» (Institutional Rational Choice), подход «трех потоков» (Multiple-Streams) (хотя «трех» здесь – это не более, чем поспешная конкретизация числа в названии подхода), подход «коалиций взаимозависимостей» (такой авторский перевод теории П. Сабатьера «The Advocacy Coalition Framework»). Немало подходов этого направления применяется в указанных монографиях по политическому анализу.

На деле реальный арсенал этого направления гораздо больше. В русскоязычной науке о политике он еще в должной мере не систематизирован и, за некоторыми исключениями, не используется при изучении конкретных направлений или сфер политики.

О том, что «policy analyse» или «Politikfeldanalyse» стал фундаментальной составной частью науки о политике, свидетельствует и его вклад

в «святая святых» любой науки – в ее методологию. Этот конкретный вклад в методологию науки состоит в том, что понятие методологии расширилось от ее прежнего оперирования понятиями теории и метода и до новой триады понятий: «аналитическая рамка», «теория», «модель». Особенно важным потенциалом обладает понятие «аналитическая рамка», развитая П. А. Сабатьером [18], введенная им в контексте понятий «теорий» и «моделей». При этом «аналитическая рамка» служит важным целям. Во-первых, внутри нее анализируются различные теоретические элементы и связи для последующей конкретизации этих теорий. В этом смысле «аналитическая рамка» выступает как метатеоретический уровень научного анализа. Во-вторых, вопрос о том, что считать конкретной «аналитической рамкой», решается по-разному. Нам представляется, что для исследования того или иного поля политики, будь то «экономическая политика», «инновационная политика» или «политика инновационной безопасности», такой «аналитической рамкой» должно выступить именно и в первую очередь содержательное измерение политики. Это расширило бы возможности социальной науки в целом, внося вклад в казавшиеся до того неизбежными приоритеты частных наук. К примеру, «экономической политики», выступавшей ранее в качестве неизбежного бастиона экономической науки. Сегодня она, как и многие другие сферы политики, весьма успешно исследуется в рамках policy analyse или Politikfeldanalyse.

В границах «аналитической рамки» для изучения реальной или содержательной политики создано множество теорий. Совершим краткий экскурс по этой проблематике.

Начнем с подчеркивания именно материального характера «policy» – направления, согласно которому policy обозначает «содержательную (материальную) часть как она обычно обозначается с помощью указания на разные сферы политики (к примеру, экономическая, экологическая, транспортная, финансовая, аграрная и т. д. политики) (всего от 30 до 35 сфер политики). Соответственно, анализ полей политики (“Politikfeldanalyse”, “policy analyse”) представляет собой научную область, которая занимается изучением конкретных, материальных сфер политики и исследует, что делает правительство и управление, какие цели и намерения они преследуют, чего они конкретно добиваются и что могут конкретно изменить» [19, с. 222–223]. Именно это направление стало основой развития системы политического консультирования, которое пока уступает экономической и юридической экспертизе. Общепризнанными элементами этого направления стал ряд других теорий. Во-первых, это теория циклов политики (определение проблемы, постановка повестки, формулирование политики, имплементация политики, терминация политики). Во-вторых, это теория политических сетей – исследование относительно устойчивых, формально неорганизованных, неиерархических, стабилизированных посредством

взаимных зависимостей и общих поведенческих ожиданий, коммуникативных отношений между членами организации.

Далее следует ряд других подходов и моделей. Среди них можно назвать следующие:

1) подход множественных потоков (поток проблем, поток политик, поток политических курсов). Включает в качестве вспомогательных еще два направления:

- направление политических окон, или окон политики (Policy Windows) (окон возможностей, которые открываются через связь трех потоков и которые повышают вероятность принятия решений);
- направление политических предпринимателей, т. е. людей, которые могут связать эти три потока;

2) подход «доверитель/агент» (Principal/Agent). Доверители поручают агентам руководить теми или иными службами (делом) и между ними сразу возникают сложные отношения, среди которых особую роль играют три элемента: информационная асимметрия, т. е. агент знает больше, чем доверитель о своей работе, из чего возникают непростые селекции и моральные соблазны; бюрократический дрейф, или различия между законом и его реализацией; меры контроля с разными аспектами: от мелочной опеки до жалоб со стороны затронутых контролем группы;

3) подход вето-игроков (от слова «вето – запрещаю») – одна из больших новаций в современной политологии, принадлежащая Дж. Цебелосу [20]. Вето-игроками могут быть те акторы, согласие которых требуется для изменения статус-кво. Чаще всего это группы, которые не в состоянии добиться своих целей, но могут кому-то помешать это сделать;

4) подход «путевых зависимостей» (нем. Pfadabhängigkeit). Связан с поиском «критических моментов» или указательных знаков для поисков позитивной обратной связи между возможностями и реализацией решений. Впервые был использован при решении проблемы размещения клавишей на печатной машинке с целью оптимизации процесса печатания. Сегодня он часто называется подходом «политического дрейфа» при изменении политики;

5) подход «адвокатских коалиций». Реализуется на трех уровнях: макроуровне (политическая система как черный ящик); мезоуровне (когда адвокатские коалиции трактуются как группы со сходными убеждениями, которые способны организовать для оказания влияния на политический процесс); микроуровне. Согласно данному подходу индивиды имеют главным образом три группы убеждений, например: а) приоритет базовых ценностей как свобода, безопасность; б) ориентация на лидера; в) вторичные аспекты (предпочтение конкретных мер);

6) подход «адвокатских коалиций за смену политики». Направлен на изменение политического курса и исходит из предположения, что изменение

курса может последовать на изменение трех факторов, которые влияют на убеждения и ресурсы адвокатских коалиций: приобретение знаний, умений, навыков в политике; шоки (можно ли изменить убеждения в отношении политики, к примеру, пережив финансовый кризис или пандемию); договорные соглашения (единство между адвокатской коалицией по поводу убеждений без разлома политики, без шоков);

7) подход инструментов «policy» [21] и инструментов политического управления (Steuerung).

Разумеется, триумфальное и заслуженное шествие подхода не могло обойтись без определенных сложностей и критики. Сложности имеют научную природу и связаны с комплексностью и контингентностью (по Н. Луману) политических процессов, т. е. помимо научной критики присутствует еще и критика со стороны общественности и политических кругов. Основной пафос как эндогенной, так и экзогенной критики policy analyse сводится к его чрезмерно технократическому акцентированию. Обратной стороной медали этого технократического эмпиризма является игнорирование исконно человеческих влечений, ограничений и даже слабостей, а то и антигуманизма. В качестве выхода из этого положения предлагаются разные варианты. На наш взгляд, из множества вариантов критики заслуживает только тот, который связан с конструктивным решением этой проблемы, а именно продуктивный синтез всех элементов политологического треугольника. В последнее время даже предлагается конкретная программа в виде выхода этого направления на новый уровень анализа – «нормативный policy analyse» [22]. На наш взгляд, эта программа заслуживает большого внимания и реализации.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в данном направлении. Таким образом, мы видим, что «3D*3»-концепт политики способен побуждать и стимулировать политико-научные исследования с целью роста их эффективности и общественной полезности. Разумеется, этот концепт – не догма. «3D» может возрасть и превращаться в 4D, а то и в 5D, 6D, что сейчас маловероятно. Может возрасть и множитель три (*3, *4 и т. д.). Но всегда важно с чего-то начать или начать что-то по-новому. В статье рассмотрены сложные политологические проблемы соотношения конституционных деклараций и конституционной действительности в творчестве Н. Лумана, оказавшего огромное влияние на развитие политологической мысли и обратившего внимание на возрастающее значение материального аспекта в политике. Авторы полагают, что данный подход в будущем будет отражать реальность при исследовании «policy», и ожидают возросшего внимания политологов к указанной проблеме.

Бровкой Г. М. в данной статье исследованы понятия политического анализа «policy analyses» и политологического треугольника: polity, policy,

*politics в дискурсе политической теории «двух круговоротов – политика-публика-управление» Н. Лумана, их практическом преломлении в отношении политических процессов, технологий и институтов, проведен анализ первоисточников; Ермолицким М. А. разработаны основные идеи «3D*3»-концепта политики, показана выдающаяся роль Н. Лумана как философа и теоретика, проведена системная работа по изучению первоисточников, в том числе малоисследованных в русскоязычном пространстве; Решетниковым С. В. осуществлено редактирование представленной работы, сделаны важные уточнения и конкретизированы идеи.*

Список использованных источников

1. *Luhmann, N. Die Politik der Gesellschaft / N. Luhmann. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. – 444 p.*
2. *Luhmann, N. Theorie der Verwaltungswissenschaft: Bestandsaufnahme und Entwurf / N. Luhmann. – Grote, 1966. – 118 p.*
3. *Döhler, M. Verwaltungswissenschaftliche Problemperspektiven in der Politikfeldanalyse. In: Klaus Schubert / Nils Bandelow (Hrsg.), Lehrbuch der Politikfeldanalyse / M. Döhler. – München: De Gruyter Oldenbourg (3. Auflage). – P. 75–94.*
4. *Grauhan, R. Modelle Politischer Verwaltungsführens / R. Grauhan // Politische Vierteljahresschritte. – Universitätsver, 1969. – 356 p.*
5. *Дегтярев, А. Н. Прикладной политический анализ. Электронный учебник для студентов-политологов / А. Н. Дегтярев. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2011. – 546 с.*
6. *Симонов, К. В. Политический анализ / К. В. Симонов. – М.: Логос, 2002. – 152 с.*
7. *Турунок, С. Г. Политический анализ и прогнозирование: учеб. для бакалавриата и магистратуры / С. Г. Турунок. – М.: Изд-во «Юрайт», 2016. – 291 с.*
8. *Ахременко, А. С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие / А. С. Ахременко. – М.: Гардарики, 2006. – 333 с.*
9. *Дмитриев, Е. И. Политический анализ в журналистской практике: конспект лекций / Е. И. Дмитриев. – Минск: БГУ, 2005. – 133 с.*
10. *Попова, О. В. Политический анализ и прогнозирование: учебник / О. В. Попова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 464 с.*
11. *Антонович, Н. А. Методология и методы политического анализа / Н. А. Антонович. – Минск: Беларус. гос. ун-т, 2007. – 178 с.*
12. *Ильина, Е. М. Особенности прикладного анализа в управленческом цикле современного политического процесса Республики Беларусь / М. В. Ильин, Е. М. Ильина // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. / РИВШ; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2013. – Вып. 12. – С. 71–80.*
13. *Ильина, Е. М. Теоретико-методологические основы политического процесса в условиях перехода Республики Беларусь к информационному обществу / Е. М. Ильина // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1 / РИВШ; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2010. – Вып. 9(14). – С. 101–109.*

14. *Easton, D.* A Framework for Political Analysis / D. Easton. – Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1965. – 143 p.
15. *Lasswell, H. D.* The policy – orientation / H. D. Lasswell (eds). – Standford, 1951. – 129 p.
16. *Сунгууров, А. Ю.* Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) / А. Ю. Сунгууров // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 8–28.
17. Теории и практика политического процесса сквозь призму взаимоотношений государственных и негосударственных акторов [Электронный ресурс] // Scipeople. – Режим доступа: <http://cdn.scipeople.ru/materials/16509/%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%20%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B0%202003.doc>. – Дата доступа: 02.02.2019.
18. *Sabatier, P. A.* The Need for Better Theories / P. A. Sabatier // Theories of the Policy Presses. – 2007. – № 2. – P. 3–17.
19. Das Politiklexikon: [über 1300 Stichwörter] / Martina Klein, Klaus Schubert. – 3., aktualisierte Aufl. – Bonn: Dietz, 2003. – 327 с.
20. *Помигуев, И. А.* Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления / И. А. Помигуев // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 199–210.
21. *Wenzelbuger, G.* Handbuch Policy Forschung / G. Wenzelbuger, R. Zohlhoefer. – Wiesbaden, 2015. – 747 p.
22. *Burth, H.-P.* Normative Politikwissenschaft. Eine analytische Grundlegung / H.-P. Burth. – Hanburg, 2010. – 615 p.

(Дата подачи: 17.02.2020 г.)

Т. В. Жмакина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

T. Zhmakina

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК [321.7:16]

РИТОРИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

RHETORIC ARGUMENTATION IN POLITICAL DISCOURSE

Приемы убеждения, а значит, и приемы аргументации являются предметом изучения классической, или аргументативной, риторики. Необходимость изучения условий успешности и эффективности этих процедур привела к возникновению особой